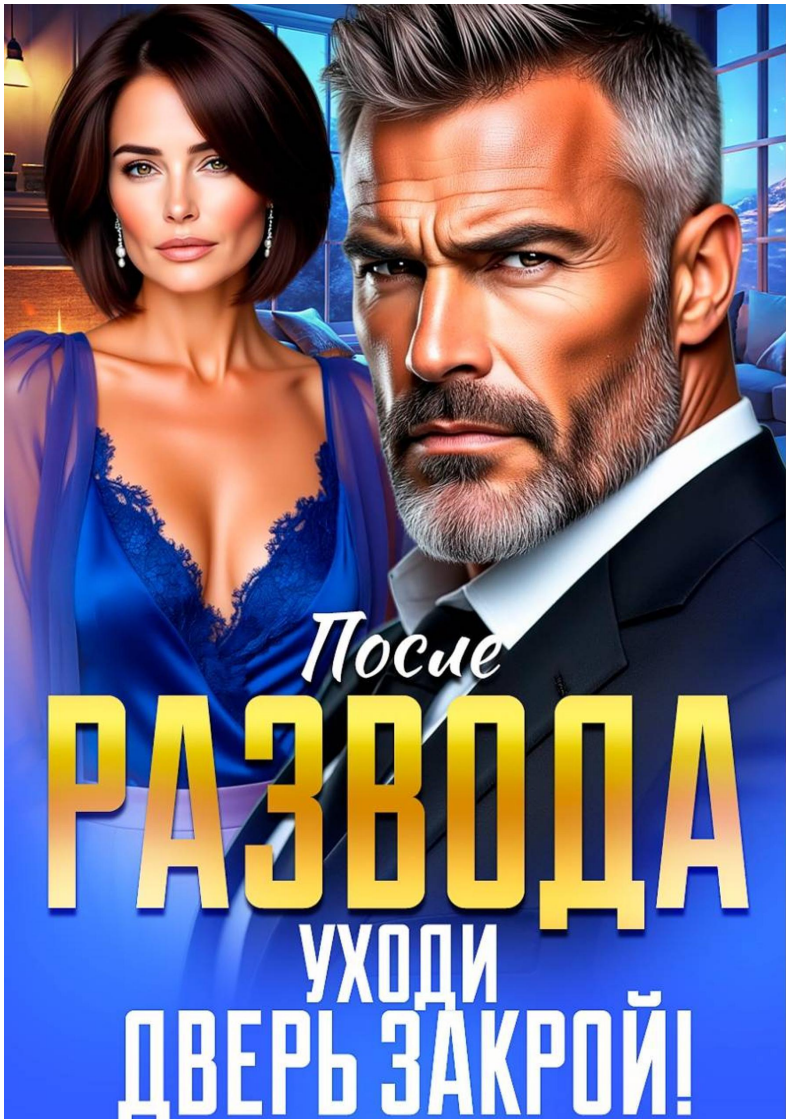

После

РАЗВОДА

**УХОДИ
ДВЕРЬ ЗАКРОЙ!**

Инна Вронская

После Развода.

Уходи, Дверь Закрой!

<https://litres.ru/74193543>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ольга, — говорит он чётко, будто отдаёт приказ на плацу.
— Это Юлия. Моя дочь. Ей десять лет. Её мать, Марина, уезжает в длительную командировку. Ребёнок остаётся здесь. С тобой.

Мир сужается до точки. Я вижу только его губы, произносящие эти невозможные слова.

— Что — мой голос — хриплый шёпот. — Что ты сказал?

— Ты прекрасно слышишь. Не притворяйся дурочкой, это тебе не к лицу, — его тон резкий, нетерпеливый. — Девочка — моя кровь. С сегодняшнего дня она живёт в этом доме. Ты обеспечишь ей всё необходимое. Накорми ребёнка. Уложи спать. И приведи себя в порядок наконец-таки. Слезы не идут генеральской жене!

Развод был быстрым.

Я не смогла жить в доме с подтверждением его измены.

Но, встретится с бывшим все же пришлось, на свадьбе дочери, где он без зазрения совести сказал:

- Ты конечно, расцвела, но твой новый муженек еще хуже меня. Спит с какой-то молоденькой практиканткой из юридического отдела. Так, может, вернем все назад, раз так некрасиво вышло?

Инна Вронская

После Развода.

Уходи, Дверь Закрой!

ГЛАВА 1.

Я замираю перед зеркалом. Последний штрих — серьги с бриллиантами, его подарок к пятидесятилетию. Холодные камни касаются шеи. Символично. Всё во мне холодное и отполированное, как эти камни. Идеальная упаковка для ничего.

В воздухе висит запах его власти: дорогая телятина, трюфельное масло, моё отчаяние. Маша сбежала, бросив: «Счастливой годовщины, мама. Наслаждайся вечером с восковой фигурой». Она не понимает. Эта «восковая фигура» — единственное, что у меня осталось. Его призрак. Его привычка.

Щелчок замка. Его шаги. Не просто звук — это сейсмический удар по моей реальности. Он входит.

Боже, как он ненавистно прекрасен. Он заполняет пространство, не входя в него — он его присваивает. Высокий, с плечами, на которых держатся его империи. В костюме, который сидит как влитой, подчеркивая каждую мышцу, каждую линию силы. Его лицо — это урок по анатомии власти: высокий лоб мыслителя, резкие скулы воина, жесткий

подбородок тирана. И глаза. Ледяные, голубые, пронзающие. Они видят не людей — активы, помехи, инструменты. Сегодня они скользят по мне.

— Ольга, — кивает он. Не «здравствуй». Не «ты прекрасно выглядишь». Констатация моего присутствия. — Платье новое? Ты редко меняешь гардероб.

— Для нашей даты, — мой голос звучит предательски тихо. Я вижу в его взгляде мимолетную оценку, как перед покупкой.

— Цвет тебе идет. Хотя могла бы быть смелее. Но ты, кажется, разучилась быть смелой, — произносит он, проходя мимо. Его пальцы проводят по моей спине от шеи до талии — быстрый, властный жест. Искра пробегает по коже. Я ненавижу своё тело за этот отклик. За эту память.

Он наливает себе коньяк, мой бокал игнорирует. Осматривает стол.

— Где Маша? — без интереса.

— У друзей. Передала поздравления.

— Разумный поступок. Дочь учится делать правильный выбор. В отличие от своей матери, — он делает глоток. — Ты выбрала этот дом двадцать лет назад. И с тех пор боишься его покинуть. Страх — плохой советчик, Ольга.

Я молчу. Каждый ужин — экзамен, на котором я всегда проваливаюсь.

Он садится. Начинает есть. Каждое движение — эффективно, лишено наслаждения. Я — декорация.

— Закрыли сделку на юго-западе. Триста миллионов чистыми, — говорит он, не глядя.

— Я рада за тебя, — автоматически.

— Не надо радоваться за меня, — он откладывает вилку. Его взгляд наконец-то фокусируется на мне. Холодный, аналитический. — Твоя «радость» — это дежурная улыбка на приёме. Пустая формальность. Ты давно не радовалась по-настоящему. Ничему. Даже мне. Особенно мне.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он поднимает руку. Жест, не терпящий возражений.

— Не лги. Это унижительно. Нашу спальню ты превратила в процедурный кабинет. Холодный, стерильный. Каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь, ты замираешь, как будто ждёшь конца пытки. Это оскорбительно, Ольга. Мужчине оскорбительно.

Слова падают, как камни. Каждое бьёт точно в цель.

— Я... я стараюсь... — лепечу я.

— Стараешься? — он усмехается, и в этой усмешке — бездна презрения. — Ты не стараешься. Ты терпишь. И я устал от твоего терпения. Оно утомительнее, чем прямая ненависть. Все жены моих инвесторов как ягодки, из рук пластических хирургов не вылезают, а ты...

Он встаёт. Подходит. Его тень поглощает меня. Он кладёт ладони на мои плечи. Они тяжёлые, как кандалы.

— Может, сегодня ночью ты хотя бы притворишься, что

живая? — его голос низкий, в нём нет страсти. Только холодный вызов. — Это был бы неплохой подарок на годовщину. Хотя бы иллюзия. Несмотря на то, что ты выкормила Машу, твоя прелестная грудь еще может увлечь меня.

И в этот момент, когда стыд и ярость готовы разорвать меня изнутри, раздаётся звонок. Резкий, настойчивый, чужой.

Павел хмурится, его пальцы впиваются в мои плечи.

— Ты ждала гостей? — голос становится опасным.

— Нет! Клянусь!

Он медленно отпускает меня, идёт открывать. Я следую, как приговорённая.

За дверью — женщина. Не просто красивая — ослепительная, даже в помятом пальто и с тенью усталости под глазами. И рядом — девочка. Маленькая, светловолосая, с огромными глазами, полными немного страха. Она смотрит на Павла, и её губы дрожат.

Женщина что-то быстро, срывающимся шепотом говорит ему. Её взгляд мельком скользит по мне — оценивающий, презрительный. Она суёт Павлу детскую сумку, почти бросает её. Он кивает, односложно: «Договорились».

И он берёт девочку за руку. Вводит её в мой дом. В нашу крепость. Дверь закрывается с тихим, окончательным щелчком.

Он ставит сумку на паркет. Смотрит на меня. Его лицо — маска из гранита. Ни смущения, ни вины. Только непоколебимая уверенность.

— Ольга, — говорит он чётко, как отдаёт приказ на плацу.
— Это Юля. Моя дочь. Ей десять лет. Её мать, Марина, уезжает в длительную командировку. Ребёнок остаётся здесь. С тобой.

Мир сужается до точки. Звук приглушается. Я вижу только его губы, произносящие эти невозможные слова.

— Что... — мой голос — хриплый шёпот. — Что ты сказал?

— Ты прекрасно слышишь. Не притворяйся дурочкой, это тебе не к лицу, — его тон резкий, нетерпеливый. — Девочка — моя кровь. С сегодняшнего дня она живёт в этом доме. Ты обеспечишь ей всё необходимое.

Я отшатываюсь, будто он ударил меня. Воздух свистит в ушах.

— Твоя... дочь? От ЭТОЙ... женщины? — я срываюсь на крик, указываю на дверь, за которой скрылась та, другая.
— Ты приводишь сюда плод своей измены и приказываешь МНЕ её растить?! Ты с ума сошёл, Павел! Немедленно выведи её отсюда! Или я сама...

— Ты САМА ничего не сделаешь, — перебивает он. Его голос — ледяная сталь, разрезающая мою истерику. Он делает шаг вперёд, заставляя меня отступить. — Давай расставим точки над і раз и навсегда, раз уж ты решила устроить сцену. Во-первых, — он говорит медленно, отдельно, чтобы каждое слово вбилося как гвоздь, — мать моего ребёнка —

уважаемая женщина. Актриса. Её карьера требует поездок. Ты же понятия не имеешь, что такое карьера, не так ли? Твоя карьера — это двадцать лет успешной игры в «образцовую жену». Игра закончилась.

— Во-вторых, — он продолжает, его взгляд пригвождает меня к месту, — это МОЙ дом. Я его купил. Я его соержу. Я решаю, кто будет под этой крышей. А ты... ты в нём живешь. На моих условиях. И новое условие — вот она. — Он указывает на девочку, которая прижалась к стене, стараясь стать невидимой.

— И в-третьих, — его голос становится тише, но от этого только страшнее, — о чём мы, собственно, спорим? О твоих мнимых правах? О том, что я нарушил какой-то там «супружеский долг»? Ольга, дорогая, наш брак умер пять лет назад. В тот момент, когда ты в последний раз по-настоящему посмотрела на меня, а не сквозь меня. Я — живой мужчина. Мне нужно тепло. Страсть. Жизнь. А не хорошо отглаженная саванна. Марина дала мне то, чего ты лишила. Желание дышать. А этот ребёнок... — он бросает взгляд на Юлю, и в его глазах на секунду мелькает что-то, отдалённо напоминающее нежность, — ...это следствие этой жизни. И он будет жить здесь. А твоё дело — не рассуждать, а делать.

Он берёт сумку.

— Освободи комнату Маши. Накорми ребёнка. Уложи спать. И приведи себя в порядок. Твои слёзы меня не интересуют. Они давно стали частью интерьера. Я пойду приму

душ. И, Ольга? — он оборачивается в дверном проёме. — Если я услышу ещё один возмущённый звук, у тебя не будет даже этой комнаты. Ясно?

Глава 2.

Прошла неделя.

Юля. Это имя стало звуком моей каторги. Её нужно кормить. Чужой рот, который неловко жуёт приготовленную мной еду. Её нужно купать. Чужое маленькое тело в ванной, где когда-то смеялась моя Маша. Её нужно укладывать спать. Она засыпает, вцепившись в подол моей ночной рубашки, а я сижу на краю кровати в комнате Маши, окаменевшая, и смотрю в темноту. Ненавижу каждое её тихое всхлипывание. Ненавижу запах её детского шампуня в моей ванной. Ненавижу её испуганные глаза, которые ищут во мне защиты. Больше всего ненавижу то, что не могу ненавидеть её по-настоящему. Она — ребёнок. Она здесь не по своей воле. Мы с ней — узницы в одной клетке.

Павел отстранён. Он выходит из кабинета только к ужину. Садится во главе стола. Его взгляд скользит по Юле, потом по мне. Ничего. Ни вопроса, как она себя чувствует. Ни слова благодарности за то, что я не выгнала её на улицу. Просто констатация: порядок соблюдён. Девочка накормлена, умыта, молчит. Я — функционирую. Его красивое, каменное лицо не выражает ничего, кроме удовлетворения от того, что всё идёт по его плану.

— Она съела суп? — спросил он вчера, не глядя на меня, просматривая документы на планшете.

— Да.

— Хорошо. Купи ей завтра что-нибудь для рисования. Дети это любят.

— Хорошо, — ответила я так же бесстрастно. Кажется, мы разучились говорить друг с другом на человеческом языке. Теперь у нас только отчёты.

Сегодня должен приехать мой кошмар. Маша. Она была в учебной поездке. Я не решалась звонить, не знала, что сказать. Как сообщить дочери, что в её комнате теперь живёт плод измены её отца? Что её мать превратилась в няньку для этого плода?

Ключ поворачивается в замке. Мое сердце падает в пятки. Я сижу с Юлей на диване, мы смотрим мультик. Я механически глажу её светлые волосы, а внутри всё замирает.

Маша врывается в прихожую, как ураган, с чемоданом и сияющей улыбкой.

— Мам, я дома! Ты не поверишь, что было... — её голос обрывается. Она замечает маленькие розовые тапочки у двери. Не её. Её брови медленно ползут вверх. — Чьи это?

Она заходит в гостиную. Видит нас. Её взгляд перескакивает с моего лица на Юлю, с Юли — обратно на меня. Улыбка сползает, как маска.

— Мама? Кто это?

Юля пугается её резкого тона и жмётся ко мне. Этот ин-

стинктивный жест, кажется, добывает Машу.

— Мама? — её голос становится тонким, опасным.

Я поднимаюсь. Ноги как ватные.

— Машенька... это... это Юля.

— Я вижу, что это Юля! — она почти кричит. — Кто такая Юля и что она делает в моём доме?!

— Маша, пожалуйста, не кричи... — я пытаюсь её успокоить, но сама дрожу.

— НЕ КРИЧИ?! — она взрывается. Чемодан с грохотом падает на паркет. — Я приезжаю домой, а тут какая-то... девочка! Сидит с тобой на нашем диване! В моих тапочках! Объясни! Сейчас же!

Юля начинает тихо плакать. Я пытаюсь её обнять, но Маша видит это, и её лицо искажает ярость.

— Ты её ЗАЩИЩАЕШЬ? Ты мне даже не звонила! Папа где?!

— В кабинете, — с трудом выдавливаю я.

Маша разворачивается и мчится по коридору. Я бегу за ней, оставив рыдающую Юлю. Она с размаху распахивает дверь кабинета.

— Папа! Что происходит? Кто эта девочка?!

Павел медленно отрывает взгляд от монитора. Его лицо спокойно. Он как будто ждал этого.

— Закрой дверь и войди как положено. Ты не в общези-
тии.

— Папа! — в её голосе слёзы. — Ответь мне!

— Это Юля. Твоя сводная сестра. Она будет жить с нами,

— говорит он ровно, как читает инструкцию.

В воздухе повисает тишина. Маша смотрит на него, не понимая.

— Сестра? Какая ещё... мама? Что он говорит?

Я молчу. Не могу выговорить ни слова.

Павел вздыхает, как уставший от капризов ребёнка взрослый.

— Не делай трагедию, Мария. У неё сложная ситуация с матерью. Мы предоставляем ей крышу над головой. Ты взрослая. Тебе пора понять, что мир не крутится вокруг твоих желаний.

— Крышу над головой? — Маша задыхается. — А мою комнату? Вы отдали МОЮ комнату чужому ребёнку? Без моего согласия?!

— Ты в ней и так не живёшь, — холодно парирует Павел. — Ты учишься, бываешь наездами. Комната пустует. Это нерационально. Теперь она приносит пользу.

— ПОЛЬЗУ?! — Маша кричит так, что, кажется, задрожат стены. — Это мой дом! Моя комната! А вы... вы вдвоём устроили тут какой-то приют для незаконнорожденных! Как вы могли, мама?! Как ты могла это допустить?!

Она обвиняет меня. Её взгляд, полный боли и предательства, бьёт сильнее, чем всё, что сказал Павел.

— Маша... я... — я пытаюсь найти оправдание, но его нет.

— Молчи! — рыдает она. — Просто молчи! Я на тебя смотреть не могу! Ты слабая! Ты позволила ему всё! И теперь он приводит сюда своих убожков!

— Мария! — голос Павла гремит, как выстрел. Он встает, и его фигура кажется огромной, заполняющей весь кабинет. — Следующее оскорбление в адрес моего ребёнка — и ты покинешь этот дом. Навсегда. Ясно? Твоё обучение, твоя жизнь здесь — это моя щедрость. Не твоё право. Не забывай об этом.

Маша замирает, глядя на него. Я вижу, как в её глазах гаснет последняя искра. Любви, доверия, надежды. Она смотрит на отца как на чужого, опасного человека. Потом её взгляд падает на меня — полный презрения.

— Хорошо, — говорит она тихо, ледяным тоном. — Поняла. Всё поняла. Живите в своём сумасшедшем доме втроём. Я здесь больше не ночую. И в гости не приду. Пока эта... девочка... здесь, меня здесь нет.

Она разворачивается и уходит. Я слышу, как она хватается за чемодан в прихожей, как хлопает входная дверь.

Тишина. В кабинете пахнет дорогим деревом, сигарным дымом и победой Павла. Он садится обратно в кресло.

— Иди успокой ребёнка. И сама приведи себя в порядок. Истерики дочери — следствие твоего попустительства. Тебе следовало подготовить её.

Я смотрю на него. На этого красивого, статного мужчину в безупречной рубашке, который только что без единого со-

жаления сломал свою дочь. И ничего. Ни одной морщинки раскаяния на его идеальном лице.

Я выхожу, закрываю дверь. Прислоняюсь к стене в коридоре и пытаюсь дышать. Из гостиной доносится тихий плач. Юля. Моя дочь ушла. Чужая дочь плачет. Мой муж доволен. Как дальше жить? Как дышать в этом доме, где каждый угол кричит о предательстве?

Я собираю остатки сил, иду в гостиную, беру Юлю на руки. Она обвивает мою шею тонкими ручками и прячет лицо у меня на плече. Я качаю её, как когда-то качала Машу. И ненавижу себя за это. За эту автоматическую нежность к ребёнку, который украл мою жизнь.

Проходит ещё несколько дней. Я — робот. Утром — завтрак. Потом — мультики. Потом — прогулка в парке, где я избегаю взглядов знакомых. Вечером — ужин в гробовой тишине с Павлом. Ночью — бессонница и тихие слёзы в подушку.

И вот, ровно через неделю после появления Юли, раздаётся звонок. Не в дверь. В домофон. Я подхожу, нажимаю кнопку.

— Да?

— Откройте. Это Марина, — говорит женский голос. Низкий, уверенный, с лёгкой хрипотцой. Голос, который не просит. Голос, который требует.

Лёд пробегает по спине. Я нажимаю кнопку отпирания подъезда. Стою в прихожей и жду. Слышу, как лифт подни-

мается. Как он останавливается. Шаги по лестничной площадке.

Я открываю дверь.

Она стоит на пороге. Марина. Не просто красивая. Она — событие. Высокая, в длинном элегантном пальто цвета бордо, из-под которого виднеются тонкие каблуки. Волосы — тёмная волна, спадающая на плечи. Лицо с безупречным макияжем, который подчёркивает большие глаза и чувственные губы. Она пахнет чем-то дорогим, дерзким, чужим. Её взгляд медленно скользит по мне, по моему простому домашнему халату, по растрёпанным волосам. И на её губах появляется лёгкая, снисходительная улыбка.

— Ольга? — говорит она, не протягивая руку. — Я войду.

Она входит, как хозяйка, даже не дождавшись моего ответа. Снимает пальто и небрежно вешает его на мою вешалку. Осматривает прихожую.

— Уютно. Павел всегда ценил комфорт.

Она идёт в гостиную. Я следую за ней, как привидение. Юлия, сидящая на ковре, увидев её, замирает. Не бежит навстречу. Не улыбается. Просто смотрит широко раскрытыми глазами.

— Привет, солнышко, — говорит Марина, но не наклоняется к ней. Просто кивает. — Я на минутку.

В этот момент из кабинета выходит Павел. Увидев её, он останавливается. На его лице — не удивление. Скорее... ожидание. Он не идет её обнимать. Стоит и смотрит.

— Паш, — говорит она, и в этом одном слогe — море фaмильярности, интимности. — Мы должны поговоpить. Всё обсудили. Я возвращаюсь в Москву. Надолго.

Павел молчит, скрестив руки на груди. Его могучая фигура в светлой рубашке кажется ещё более монументальной рядом с её утончённой красотой. Женщины должны сходить по нему с ума. И ненавидеть его. Одновременно.

— И? — произносит он наконец.

— И я буду жить здесь, — говорит Марина просто. Она поворачивается ко мне. Её глаза — тёмные, бездонные, полные спокойной уверенности. — С Павлом. А ты, Ольга... — она делает небольшую театральную паузу, наслаждаясь моментом, — ...останешься. Конечно. Кто же ещё так прекрасно присмотрит за Юлей? Ты ведь уже вошла во вкус, да?

Я открываю рот, но звук не идёт. Я смотрю на Павла. Он не смотрит на меня. Его взгляд прикован к Марине. В его глазах — не любовь. Что-то более сложное. Вызов. Азарт. Владеть такой женщиной — это вызов его мужскому эго.

— Ты... ты не можешь... — хрипло выдавливаю я.

— О, могу, — перебивает она мягко. — Видишь ли, я устала от гостиничных номеров. А Павел устал от одиночества. Мы обсудили. Всё решили. Для общества ты останешься его законной женой. Для этого дома... — она снова улыбается, и в этой улыбке — ледяная жестокость, — ...ты останешься прислугой. При нашей дочери. Ведь ты так хорошо справляешься. И, полагаю, альтернатив у тебя нет.

Она поворачивается к Павлу.

— Правда, Паш?

Он медленно выдыхает струйку дыма от сигареты, которую я не заметила, как он закурил. Его голубые глаза, холодные и непроницаемые, наконец обращаются ко мне.

— Она права, Ольга. Марина будет жить здесь. Ты — останешься. Сохранишь статус, обеспеченную жизнь. Всё, к чему ты привыкла. Просто... освободи нашу спальню. Переезжай в комнату рядом с детской. Это будет логичнее.

Его слова падают на меня, как удары топора. «Наша спальня». «Освободи». «Логичнее».

Я смотрю на него. На этого мужчину, в которого я была влюблена двадцать лет. За которого готова была умереть. Который теперь, не моргнув глазом, ставит меня в один ряд с горничной. И приказывает уступить моё место, мою кровать, моего мужа — этой... этой женщине.

Предательство. Первое — было шоком. Это — убийство. Медленное, жестокое, публичное.

Марина проходит мимо меня, её плечо слегка задевает моё. Она подходит к Павлу, кладёт руку ему на грудь. Он не отстраняется.

— Пойдём, обсудим детали, — говорит она ему тихо, но так, чтобы я слышала.

И они уходят. В его кабинет. Закрывают дверь.

Я остаюсь одна посреди гостиной. Рядом стоит маленькая Юля и смотрит на меня. В её глазах — та же пустота, что и

в моих.

Внезапно дверь кабинета открывается и Павел говорит мне командирским голосом:

- Ольга, принеси нам два кофе. И уложи Юлю спать. И побыстрее.

Глава 3

Марина обжилась мгновенно. Как будто она всегда здесь жила. Её вещи лежат вперемишку с вещами Павла в нашей — теперь их — гардеробной. Мои платья отодвинуты в дальний угол, будто постыдная болезнь. Сегодня утром я застала её в моей гостиной. Она стояла у зеркала и примеряла мои бриллиантовые серьги, те самые, что он подарил на пятидесятилетие. Увидев своё отражение в зеркале, она не смутилась. Улыбнулась.

— Какая тонкая работа, — сказала она, поворачивая голову, чтобы ловцы света сыграли в камнях. — Павел умеет выбирать. Хотя, возможно, немного старомодно. Но на твои годы сойдёт.

Она сняла серьги и положила их не в шкатулку, а на мою туалетную тумбочку, будто бросила кость собаке. Я молча взяла их, сжала в ладони так, что острые крепления впились в кожу. Боль была реальной. Приветствуй, боль.

Маша взорвалась, когда увидела Марину за завтраком в моём халате. Моём шёлковом халате.

— Ты с чего это взяла?! — её крик разнёсся по кухне.

— Успокойся, детка, — Марина лениво потягивала кофе.

— Павел сказал, что я могу брать всё, что мне нравится. А мне нравится шёлк.

— Мама, скажи что-нибудь! — Маша повернулась ко мне, её лицо было искажено яростью и мольбой.

Я открыла рот. Но в дверном проёме возник Павел. Он был босой, в тёмных пижамных брюках и белой футболке, обтягивающей его мощный торс. В полумгле утра, с влажными от душа тёмными волосами, он выглядел дико, по-домашнему притягательно и невероятно опасным. Женщины должны были сходить с ума, глядя на него. Я видела, как взгляд Марины скользнул по нему — влажный, одобрителный. Он её заводил. Этот вид первобытной, небрежной силы.

— Что за шум? — его голос был низким, хрипловатым от сна. Он подошёл к кофемашине, не глядя ни на кого. Его спина, широкая и сильная под тонкой тканью, была повернута к нам.

— Она ходит в маминых вещах! — выпалила Маша.

Павел медленно обернулся. Его ледяные глаза, ещё не до конца проснувшиеся, остановились на Маше.

— Марина — часть этого дома. Она имеет право чувствовать себя здесь комфортно. Если тебе не нравится, дверь на выход. Твоя истерика мне надоела.

— Папа! Это несправедливо! — в голосе Маши прорвалась детская обида, которую она так яростно прятала.

— Жизнь несправедлива, — отрезал он, наливая кофе. — Учись это принимать. Или страдать. Выбор за тобой.

Он взял свою чашку и вышел, оставив нас трёх в гулкой, позорной тишине. Марина усмехнулась, поднялась и, погладив Машу по плечу мимоходом, пошла за ним. Маша смотрела на меня, и в её глазах я прочла последний приговор: «Ты — ноль. Ты не можешь защитить даже свой халат».

Я не могла. Пока что...

И вот настал долгожданный вечер юбилея Павла.

Воздух густой, как сироп, от запаха духов, денег и лжи. Хрустальные бокалы звонят пустыми тостами, мужчины в дорогих часах говорят о тендерах, женщины в бриллиантах оценивают друг друга сквозь искусственные улыбки. Я держу в руках тяжёлый серебряный поднос. Он отполирован до зеркального блеска. В нём я вижу своё отражение — бледное лицо, тени под глазами, простое чёрное платье, которое приказала надеть Марина. «Так практичнее, милая. Ты же будешь работать». Я — часть обслуживающего персонала на собственном жизненном крахе.

Павел стоит у камина. Смокинг облегает его мощную, атлетичную фигуру, подчёркивая ширину плеч и узость талии. Он не просто одет — он облачён в доспехи власти. Его тёмные волосы с благородной проседью у висков идеально уложены, сильный подбородок чисто выбрит. Он смеётся, запрокинув голову, и его смех — низкий, бархатный, властный — гремит по залу, заставляя женщин поворачиваться и смотреть. Смотреть с тем странным блеском в глазах, сме-

сю страха и желания. Он ловит эти взгляды. Он — солнце в этой вселенной, и все планеты вращаются вокруг него.

И он представляет Марину. Не как любовницу. Он умнее. Он — стратег.

— Дорогие друзья, — его голос, уверенный и тёплый, легко заглушает шум. — Сегодня я хочу представить вам человека, благодаря которому наш консорциум сделал решающий шаг на рынок АТР. Марина Вольская. Наш новый ключевой партнёр и, без преувеличения, гений сложных переговоров. Именно она проложила нам дорогу к столу с «Хуа-Синь». Без неё контракт на полмиллиарда долларов был бы невозможен.

Марина выходит вперёд в платье из алого шёлка. Оно сшито так, чтобы все видели каждую линию её тела. Она улыбается скромно, деловито, кивая гостям. Идеальная мимика. Она не трофей. Она — актив. Сильный, блестящий, равный. Полная противоположность мне, жене-призраку.

— Ольга, дорогая, не дадим же нашим гостям умереть от жажды! — Павел поворачивается ко мне, и в его голубых, ледяных глазах — приказ, замаскированный под дружескую шутку. Уголки его губ приподняты. Для всех это мило. Для меня — публичная порка.

Я подхожу, наливаю шампанское. Сначала Марине. Она берёт бокал, её пальцы слегка касаются моих. Она смотрит на меня, и в её тёмных глазах плещется торжество, сладкое и ядовитое.

— Спасибо, Ольга, — говорит она громко, на всю округу.
— Вы просто незаменимы. Настоящее сокровище для такого дома.

Сдавленный смешок справа. Жена банкира прикрывает рот рукой. Кровь приливает к моим щекам, но я не краснею. Я каменею. Я превращаюсь в статую, которая разносит напитки. Слушаю обрывки: «...а где же ваша супруга, Павел Сергеевич?», «...О, Ольга Владимировна сегодня в роли гостеприимной хозяйки в самом прямом смысле...». Каждое слово — игла под ноготь. Публичная казнь. Изошрённая, бескровная и потому ещё более жестокая.

Ужин. Первое — томатный суп с морепродуктами. Мой когда-то знаменитый рецепт. Я помогаю официантам расставлять тарелки. Подхожу к их столу. Павел что-то рассказывает, его рука лежит на спинке стула Марины. Его большой, сильный палец медленно водит по шёлку её платья. Она смеётся, чуть склонив голову к его плечу. Картина идеального союза. Силы и красоты. Успеха и страсти.

Я стою с супницей над её тарелкой. Вижу её шею, её самодовольную улыбку. Вижу его руку. И что-то внутри, что замирало неделями, вдруг взрывается. Не яростью. Более холодным, более страшным чувством — абсолютным, бесповоротным презрением. К ним. К себе. К этому фарсу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.